

Яна Шталь

*Женский день,
или
Каждому своё*

Любовный
роман

Яна Шталь Женский день, или Каждому своё

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48950944

Женский день, или Каждому своё. Любовный роман./ Яна Шталь: Э.РА,

Летний сад; Москва; 2019

ISBN 978-5-98856-407-2

Аннотация

Долгая и непростая история любви Арины и Александра сплелась с запутанной судьбой Валентины... Как закончится история героев, какая любовь окажется истинной, найдут ли они свое счастье?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яна Шталь

Женский День, или Каждому своё.

Любовный роман

Глава 1

Арина

Вечер подкрался совсем незаметно. Кажется, вот только что был день, а тут вдруг сразу вечер. Фонари загорелись в сквере за окном, и надо уже включать настольную лампу на столе. Сегодня 7-е Марта, а завтра Женский День. Завтра всем женщинам в нашей фирме, включая и меня, будут дарить букетик тюльпанов, плитку бельгийского шоколада, коробку с немецким печеньем и смешную открытку. Я это знаю потому, что по распоряжению начальства сама все это заказывала. Все будут праздновать завтра, и только у меня праздник начнется сегодня вечером. Сейчас я пойду и приготовлю вазу для цветов, накрою стол любимой скатертью, поставлю парадные тарелки и бокалы для вина, положу приборы, а потом пойду и заново причешу волосы и подкрашу губы, ну и немножко, совсем немножко брызну духами. А потом я сяду

и буду ждать. Он придет совсем скоро.

Он мой старый, самый близкий, самый лучший друг еще со школьных времен – Алекс Пушкив, точнее, Александр Сергеевич Пушкив, которого буквально все, даже его жена, называли раньше и продолжают называть «Пушкин». Только я одна всегда звала его «Алекс». Меня зовут Ирина, но Алекс зовет меня Ариша. Вместе с ним мы катались на велосипедах и лыжах, прыгали с вышки в воду, ходили на рыбалку или в кино, часами разглядывали головастики в пруду и собирали листья для моего гербария. Почти все свободное время мы проводили вместе, нам было интересно все делать вдвоем, но никто и никогда не дразнил нас «женихом и невестой». Алекс любил меня рисовать и карандашом, и углем, но предпочитал акварель. Он очень талантливый художник. Сотни набросков и моих портретов собралось у него за годы нашей дружбы, а потом его жена через неделю после свадьбы собрала их, порвала и выбросила в мусор. Он успел спасти только два рисунка карандашом и три акварели и принес их мне с виноватой улыбкой на лице.

Он родился художником. Его отец был известным адвокатом, а дед – астрофизиком, и они настояли на том, чтобы он поступил на физмат. Институт он закончил, диплом получил, по специальности ни одного дня не проработал, устроился в банк и несколько месяцев работал там, ну и подрабатывал, конечно, рисуя кошек и собак по заказам любящих владельцев. В банке он не преуспевал и ушел работать в шко-

ду преподавать рисование и давать частные уроки в свободное время. Потом ему повезло, ему стали заказывать иллюстрации к книгам, ну и дальше – больше. Он очень прилично зарабатывал. По крайней мере, хватало на то, чтобы его жена несколько раз в год по две-три недели отдыхала на различных солнечных островах и покупала свои наряды в Милане. Сам он только один раз съездил в Италию с женой, сбежал на третий день, и всем сказал, что свободно дышать он может только на улицах, загазованных отходами нашего родного российского бензина, на иностранный у него аллергия. Из Италии он тогда привез мне подарок – на тонкой цепочке золотой кулон в виде маленькой лягушки с короной на голове; спинка у нее была покрыта мелкими изумрудами, а корона сделана из крошечных бриллиантов. Он сам застегнул цепочку на моей шее, и ему очень нравится, что я ношу его подарок все время и никогда не снимаю.

Сейчас он придет и, как всегда, принесет с собой легкое вино, сыр, маслины, фрукты, французский багет, паштет и масло, и конечно, цветы для меня и смешную игрушку для Алины. Алинка – моя дочь, ей уже 10 лет, но сейчас ее нет дома, она вместе с моей мамой отдыхает у теплого моря после болезни. Пришлось принести в школу кучу справок из больницы, чтобы оформить ее отсутствие в школе. Ничего, Алинка очень умная девочка и за лето нагонит все, что пропустила, но для меня главное, чтобы она выздоровела окончательно, а с образованием мы разберемся потом.

Алекс даже не догадывается, что Алина его дочь тоже. Он думает, что у меня был легкий роман с заезжим молодцом, и моя Алинка – результат этого скоротечного романа. Даже моя мама не знает, кто отец Алины. Это мое все, только мое. Зачем портить Алексу жизнь и рушить нашу дружбу из-за одной ночи, только одной, другой у нас не было. Как сейчас помню, как это произошло.

* * *

Он пришел ко мне после полуночи. На улице лил дождь, а он, вероятно, долго шел пешком или, может быть, просто ходил под дождем. Он промок так, что с одежды текла вода ручьями, а кроссовки хлюпали при каждом шаге. У него было бледное измученное лицо и красные от слез глаза. Такое страдание было написано на его лице, что я испугалась и подумала, что в его жизни произошла катастрофа – может, умер кто-то из близких? Он ничего не мог говорить, только шептал: «Ариша... Ариша». Я заставила его раздеться и отправила в душ, а сама побежала искать запасную одежду, но не было у меня ничего по его размеру. Положила в стиральную машину его свитер и джинсы, а кроссовки бросила в сушилку. Сделала крепкий сладкий чай и подлила туда коньяку, а потом повесила на дверь ванной снаружи махровый халат и крикнула Алексу, что халат на двери.

Когда он вышел из ванной в моем халате, я пожалела, что

у меня нет тапок мужского размера, потому что Алекс дрожал, как от озноба, даже после горячего душа. Я заставила его выпить чай с коньяком и уложила в постель, укрыла одеялом, а поверх него еще и пледом. Я не спрашивала, что случилось, он все расскажет сам, у нас никогда не было секретов друг от друга. И он рассказал, но сначала попросил, чтобы я легла рядом. Я легла, он обнял меня и стал рассказывать. Он вернулся домой на несколько часов раньше, чем обычно, хотел пригласить Ляльку (это он так жену Лену зовет) в ресторан, чтобы отметить большой заказ. Но жена была не одна, а в постели с любовником, и – судя по их разговору – любовниками они были уже давно. Они его не видели, и Алекс специально грохнул дверь, когда уходил. Пусть гадают, что он слышал из их разговора, а что нет.

Наверное, он снова вспомнил то, что видел, потому что уткнулся лицом мне в грудь и застонал, как от боли. Я не знала, как его утешить, но потом решилась: скинула пижаму и прижалась к нему:

– Отомсти ей, – сказала я, – как она тебе, так и ты ей, и это будет справедливо.

И он отомстил. Наверное, боль от предательства Лены была так велика, что на мщение ушла вся ночь. Я украла у его жены эту ночь и только боялась, что в порыве страсти он будет называть ее имя, но он, задыхаясь, горячечно вышептывал только мое: «Ариша... Аришенька..... И это была моя ночь, моя, и никто ее у меня не отнимет, потому что она уже

была.

В эту ночь я отдала ему всю свою любовь, которую скрывала ото всех долгие годы, и всю свою нежность и ласку, чтобы уменьшить его боль, чтобы не дать сломаться его душе, чтобы вытащить его из той пропасти, куда он так стремительно падал. У творческих людей подвижная нервная система. Они воспринимают все гораздо острее, чем мы, обычные смертные, так сказать. Он любил свою жену, он был счастлив с ней, а счастье вдруг распалось за одно мгновение, и не осталось ничего... И как теперь жить, и надо ли жить? Когда я проснулась утром, он уже ушел, а я нашла записку на столе в кухне:

«Аришка, – написал он мне, – я подлец, и нет мне прощения. Я растоптал нашу дружбу, я вынудил тебя принести себя в жертву, и я никогда не смогу простить себя за это. Ты мой самый дорогой, самый преданный друг, самый близкий мне человек, прости меня, если сможешь. Я должен уехать, чтобы разобраться, как я хочу жить дальше. Спасибо тебе, родная моя Аришенька за то, что ты помогла мне понять, что моя жизнь не закончилась».

Нет, я не плакала, я ведь знала, что у меня будет только одна ночь, поэтому я спрятала записку подальше, полчаса полежала в ванне с душистой пеной, сварила кофе и выпила 2 чашки, оделась, подкрасилась, причесалась и отправилась на работу. Алекс после той ночи мне не звонил, не писал и не навещал. Через пару месяцев я случайно узнала,

что он подал на развод с Леной, перевез свои вещи к родителям, оставил Лене квартиру, а сам улетел в Даллас, где у него постоянно живут дед и бабушка с отцовской стороны, которые уже давно звали его к себе. Уехал ли он в Техас навсегда или просто погостить, никто не знал. Я подумала, что было бы лучше для него остаться там навсегда, но это моя голова так подумала, а сердце сжалось от этой мысли и зануло, и так захотелось напиться до бесчувствия, уснуть и ни о чем не думать.

Напиться я не имела права, потому что во мне уже росла Алинка. Конечно же, я тогда не знала, что это будет девочка, я просто думала, что, наверное, я сделала что-то хорошее в жизни, если Бог решил дать мне такой щедрый подарок – ребенка от любимого человека. Пусть мой любимый не со мной, пусть он найдет свое счастье в далеком Техасе, но здесь со мной будет частичка его, и она будет со мной всегда. Может быть, мой ребенок будет похож на своего отца, будет такой же высокий, умный, красивый и талантливый, а может, он будет похож на меня, я тоже не урод и не дура, но все это неважно, важно лишь то, что он родится от моей любви к его отцу, и эта любовь будет всегда его охранять.

Маме я сказала, что беременна от человека, который женат, и что я не буду избавляться от ребенка. Мама сначала поплакала по моей «загубленной» жизни, потом посмеялась над собой, потом поцеловала меня и твердо сказала:

– Ничего, рожай, дочка, вырастим малыша не хуже других.

Потом мы с ней попили чаю, и я поехала домой, оставив маму составлять список вещей, которые мы должны купить младенцу. Когда мне исполнилось 18 лет, мой отец, который развелся с мамой давным-давно по причине острой влюбленности в свою секретаршу, с которой он тоже потом развелся по причине уже ее острой влюбленности в английского предпринимателя, купил мне двухкомнатную квартиру в подарок на день рождения. Квартира была практически в центре нашего города, я ее сначала сдавала, а потом на накопленные деньги отремонтировала почти по европейскому стандарту и переехала от мамы, чтобы начать самостоятельную жизнь. Вот в этой квартире мы с Алинкой и живем.

Беременность моя протекала легко: у меня не было токсикоза, я не отекала, прибавляла в весе сколько положено и даже похорошела, как сказала мама. Я ела только самое лучшее и полезное для малыша, бросила курить, не пила алкогольные напитки, гуляла в скверике после работы, а вечером слушала классическую музыку, в основном. Моцарта и Вивальди. Во второй половине беременности я уже знала, что у меня будет девочка, и начала покупать ползунки, костюмчики и крошечные платья, в которых преобладал розовый цвет. Мама моя от радости, что будет внучка, которую можно будет наряжать, как куколку, разошлась, раздухарилась и купила еще не рожденной внучке норковую шубку, шапочку и

муфту в дополнение к меховым сапожкам, купленным ранее.

Роды продолжались 12 часов, все это время со мной была мама, и когда Алин – ка басисто закричала в первый раз, я засмеялась от радости, а мама заплакала, тоже от радости. У меня были послеродовые осложнения, и в роддоме меня продержали целых 10 дней, а когда мама забрала нас с Алинкой домой, я не узнала свою собственную квартиру.

Мастера из ближнего зарубежья, нанятые мамой, сделали полный ремонт в квартире, а фотографию моей спальни вполне можно было помещать в женских журналах в качестве образца.

Алина была идеальной малышкой. Редко плакала, много улыбалась, в 9 месяцев заговорила. Ничего особенного, просто «мама», «баба», «дай», но словарный запас у нее расширялся каждый день. В 11 месяцев сделала свой первый шаг, а еще через две недели ее уже приходилось отлавливать по всей квартире, чтобы накормить или переодеть. Внешне от Алекса у нее вроде бы были только карие глаза, да родинка в форме звездочки на животе, но иногда она становилась так на него похожа, что меня это пугало. Про родинку еще в детстве Алекс говорил, что эта родинка у всех Пушкиновых. Волосы и у меня, и у Алекса темные, практически черные, а вот наша дочка родилась светловолосая. Это было очень красиво – белокурые локоны и карие глаза. Моя мама обожала внучку, и любовь была взаимной. Год после родов я не работала, но надо жить на что-то, поэтому я вернулась на ра-

боту, а мама смотрела за Алинкой.

Алекс не писал и не звонил мне, но я исправно получала неподписанные открытки и цветы три раза в год: ко дню моего рождения, к 8-му Марта и к Новому году. Однажды, когда мы с Алинкой гуляли в парке, я случайно встретила отца Алекса. Сергей Петрович сидел на лавочке, опустив голову, и о чем-то думал. Выглядел он усталым и старым, а ведь ему даже пятидесяти пяти еще не исполнилось. Я не знала, что делать – подойти и предложить свою помощь или пройти мимо. Все решила судьба. Мальчишки играли в мяч на траве, и от одного удара мяч упал на лавочку около Сергея Петровича. Тот придержал мяч рукой и стал смотреть, в какую сторону его бросить. Мальчишки крикнули Алинке, чтобы она принесла мяч, и я не успела ее удержать. Она помчалась к лавочке, на которой сидел Сергей Петрович. Подбежала, тронула его за колено и проговорила, проглатывая слог:

– Дед, дай мяч, ста.

Она еще не могла полностью сказать «пожалуйста». Сергей Петрович смотрел на Алинку так странно, что я напугалась, и подошла к нему сама и спросила, не нужна ли помощь. Сергей Петрович отдал Алинке мяч, чтобы она бросила его мальчишкам, а мне предложил сесть рядом.

– Ирина, – сказал он тихо, – я никогда не думал, что ты можешь быть ТАК жестока. Ведь эта девочка дочь Саши, и значит, она моя единственная внучка, а я о ней ничего не знал. Ни ты, ни Саша ничего нам о ней не сказали, а ведь де-

вочка просто копия Саши. Он был блондином до пяти лет, а потом волосы начали темнеть, и в школу он пошел уже темноволосым. И он тоже не мог полностью сказать слово «пожалуйста» и говорил «ста». Я вижу в ней моего сына ясно и четко, почему Саша ничего мне о ней не сказал? Я даже не знаю имени собственной внучки.

– Ее зовут Алина, Сергей Петрович, Алекс ничего, совершенно ничего не знает о дочке. Даже моя мама не знает, кто отец Алины. Я хочу, чтобы все именно так и оставалось, вы меня понимаете? Алекс сейчас в Техасе, у него новая жизнь, и пусть он в этой жизни будет счастлив. Я хочу, чтобы он был счастлив там, а я здесь с Алинкой. Я вас очень прошу ничего ему не говорить о дочери, ни единого слова. Я вас умоляю об этом, Сергей Петрович.

– Какими же глупыми бывают иногда взрослые дети. Ирина, разве ты не понимаешь, что Саша тебя любил всегда, с детства, и любит тебя одну до сих пор. Я у него спросил однажды, почему он на тебе не женится, и он сказал, что если он женится на тебе, ты можешь уйти потом от него, и тогда он потеряет не только жену, но и самого лучшего друга, а он не хочет тебя потерять. Из-за его глупости и твоей гордости моя единственная внучка растет без отца. Ты хоть подумай о девочке, Ира.

– Сергей Петрович, я именно о ней и думаю и поэтому снова прошу вас ничего не говорить Алексу об Алинке.

– Ира, я должен сказать моей жене об Алине. Маша очень

больна, ей осталось жить совсем мало. Доктора говорят, что у нее есть всего два месяца. Я хочу, чтобы она увидела Алину и порадовалась, что у нее есть внучка. И еще, прошу тебя, не называй меня по имени и отчеству. Я же всегда был дядя Сережа для тебя раньше, и Маша всегда была тетя Маша, пожалуйста, пусть так и останется пока. А давай мы сейчас поедem к нам и порадуем Машеньку уже сегодня.

Он смотрел на меня такими умоляющими глазами, что я не смогла отказаться. Дядя Сережа вызвал свою машину, и мы поехали к нему домой, в дом, где Алекс вырос, где мы с ним съезжали по лестнице на санках и один раз чуть не выбили входную дверь. Алинке путешествие очень понравилось. Она смеялась, хлопала в ладоши, все время приставала к Сергею Петровичу с вопросами и при этом все время называла его дедом, а он отвечал и улыбался. Когда мы приехали и я увидела тетю Машу, у меня перехватило дыхание. От веселой красивой прежней тети Маши почти ничего не осталось. Исхудавшая бледная женщина с черными кругами под глазами и с жидкой щетинкой седых волос вместо роскошных густых кудрей... Но когда она увидела меня, в выцветших ее глазах загорелся радостный огонек, а когда она увидела своего мужа со смеющейся Алинкой на руках, огонек разгорелся еще ярче. Она даже попыталась встать из инвалидного кресла и протяжно тихо выдохнула:

– Сашенька...

– Я не Сашенька, я Алина, – сказала Алинка, выбралась

из объятий деда на пол и подошла к тете Маше, – а ты Маша, я знаю. Тебе больно, да? Тебе надо тамины. Когда я болею, мама дает мне тамины. Дед, купи Маше тамины.

Тетя Маша смотрела на Алинку, улыбалась и плакала одновременно. Вошла домработница, принесла чай, пирожные и конфеты в вазочке. Поставила все на небольшой столик на колесах и придвинула столик поближе к тете Маше. Тетя Маша ничего не ела, просто пила чай. Алинка съела пирожное, выпила чай, вытерла рот и руки салфеткой, как идеальный гость, нигде ничего не пролила и не насорила, потом вздохнула, слезла со стула, взяла конфету, подошла к тете Маше, развернула фантик и подала ей конфету. Тетя Маша стала отказываться, но Алинка по-взрослому вздохнула и печальным голосом произнесла:

– Кушай, Маша, надо... – и встав на цыпочки, практически сунула конфету тете Маше в рот.

Тетя Маша с трудом проглотила конфету и подозвала дядю Сережу к себе. Он подошел и нагнулся к ней, и она прошептала ему на ухо что-то. Он ушел и вернулся, неся в руках большую черную шкатулку-чемоданчик, в которой обычно хранят украшения. Тетя Маша жестом велела ему подать чемоданчик мне и с трудом, задыхаясь, прошептала:

– Алине... бабочку в 16 лет... змейку в 18... остальное, когда хочешь... на счастье.

Ей стало плохо, Сергей Петрович позвал сиделку и та сде-

лала тете Маше укол, а потом они повезли ее в спальню, чтобы переложить на кровать. Я поставила чемоданчик на стол и собралась уходить, но вернувшийся Сергей Петрович приказал мне забрать чемоданчик.

– Это Алинке от бабушки подарок, Машины драгоценности должны достаться родной внучке. Так она хочет, и пусть так будет, Ира. Сейчас вас шофер домой отвезет, сиделка говорит, что Машу надо везти в больницу, уже вызвали скорую помощь. Саша приедет на днях, но про Алину я ему не скажу, как ты просишь. Я тебе позвоню потом, Ирочка.

Алекс прилетел на день раньше и застал мать еще живой. Он успел с ней проститься. Сергей Петрович позвонил и сообщил мне о смерти жены, и я сказала ему, что приду на кладбище, но на поминки не останусь. Он понял меня правильно и не настаивал. Проводить тетю Машу пришлось много людей, и мне не было трудно затеряться среди них. Я стояла и смотрела на Алекса. Он очень изменился за четыре года, что мы не виделись. Не постарел, нет, но возмужал, загорел под безжалостным Техасским солнцем, свои длинные кудрявые волосы обрезал чуть короче. Одет был в черный костюм и тонкий черный свитер. На пальце кольцо, но не обручальное, а мужское, типа печатки. Он стоял и никого не замечал, никого не видел, весь ушел в себя, в свои чувства или воспоминания. Я уже уходила с кладбища, когда он меня догнал и сказал, что зайдет ко мне сегодня, если это можно. Я пожалала плечами и поторопилась уйти. Вот так началась еще одна

фаза нашей дружбы.

Он пришел в тот вечер и даже назвал меня Аришей, и чмокнул в щеку. Мы пили вино, и он рассказывал мне о своей жизни. Рассказывал скучно, неинтересно, и когда я сказала ему об этом, он ответил, что это потому, что его жизнь, как и рассказ о ней, скучна и неинтересна. Из спальни вышла Алинка и подошла к нему знакомиться, и он не удержался и спросил меня о ее отце и замужем ли я сейчас или была раньше. На что Алинка ответила, что папы нет, потому что она подарок маме от Деда Мороза. Алекс посидел у нас еще с полчаса и уехал. Изредка появлялся, всегда без предупреждения, потом он женился снова и стал приходить только 7-го марта, хотя продолжал присылать открытки и цветы к праздникам. Он вернулся в Россию навсегда, а вместо него в Техас отправился Сергей Петрович, чтобы жить со своими уже очень старыми родителями.

Глава 2

Алекс

Наверное, я моральный урод. Скорее всего, так оно и есть. Сегодня 7-е марта, и я знаю, что она ждет меня, и уже накрыла стол своей любимой скатертью, расставила парадные тарелки и хрустальные бокалы, положила старинные серебряные приборы, чуточку подкрасила губы, поправила прическу, брызнула капельку любимых горьковатых духов и теперь сидит в кресле, положив руки на колени, и ждет меня. Она ждет, а я знаю, что не приду.

Аришка – мой старый друг, самый лучший, самый близкий, самый дорогой мой человек, самая любимая женщина на свете. Я уже давно это понял, целых одиннадцать лет я болен любовью к ней. Это всегда хуже, когда болен так сильно, а лекарства нет, и ты знаешь, что помочь нельзя, разлюбить невозможно, и надо жить и притворяться просто другом, старым другом детства, и обнимать легонько, и чмокать в щечку, и похлопывать по плечу. Я не могу сегодня к ней пойти – боюсь, что не справлюсь с собой. Я так стосковался по ней, что держать себя в руках вряд ли получится, я даже боюсь ей звонить и сказать, чтобы не ждала меня сегодня. Боюсь, что услышав ее голос, поеду к ней – и будь что будет. Теперь я знаю всю правду, но я трус, я боюсь их потерять, я

не могу их потерять.

Я понял, что люблю ее в ту ночь, когда застал свою первую жену с любовником. Дождь лил, как из ведра в тот вечер, и я ходил под этим дождем, чтобы хоть как-то «отмыться» от той грязи, в которую я «наступил», когда увидел свою жену в объятиях пузатенького мужичка и когда услышал, с каким презрением жена называет меня «банкоматом». Мне было так плохо и так больно, и только одному человеку я мог доверять, и я пошел к этому человеку, чтобы она поделила со мной мою боль. А она не стала делить мою боль, она просто взяла и уничтожила ее, она убила мою боль одной фразой:

– Отомсти ей, как она, так и ты, это будет справедливо, – сказала она и прижалась ко мне своим горячим телом, и мое тело ответило таким же жаром.

Когда наши тела соединились, я вдруг понял, что именно ее мне всегда не хватало, именно она мне нужна для счастья, и плевать мне на Ленку с ее любовником, потому что у меня есть такое чудо, как Ариша, моя Аришенька. Я не мог оторваться от нее всю ночь, я бы и под пистолетом от нее не оторвался.

Наслаждение и упоение, которое я испытывал от обладания ее телом, выжгло боль от предательства жены, мои сомнения, мою неуверенность в себе. Я чувствовал, что могу все, мне все по плечу. Я люблю ее, я ее всегда любил, просто не понимал этого, и она меня любит, она просто не понимала этого раньше тоже, мы должны быть вместе, мы теперь все-

гда будем вместе. Я был пьян от любви, но протрезвел мгновенно, когда под утро она устало прошептала:

– Тебе легче сейчас? Все будет хорошо, вот увидишь... – и заснула мгновенно с печальной улыбкой на губах.

И все... какой же я подлец... Я был ее первым мужчиной, и она подарила мне себя, принесла себя в жертву, чтобы я, безмозглая скотина, слабак и рогоносец, не заболел нервным расстройством, не спился, не наглотался таблеток и не попал в психушку. Она спасала меня ото всего этого, как могла, она спасала друга, как умела... и спасла... вот только легче мне не стало. Из огня да в полымя! Как я буду с ней разговаривать, когда она проснется? Что мне ей говорить? Как смотреть ей в глаза? Я ее люблю, я любил ее всегда, недаром у меня столько рисунков и акварелей, на которых только она, недаром на всех моих иллюстрациях у главной героини всегда ее лицо. Ленка после свадьбы порвала и выбросила сотни рисунков и акварелей, на которых была изображена Ариша, но я восстановил некоторые из них по памяти и храню их не дома, а в студии. Я уже давно не работаю дома, я хорошо зарабатываю и могу позволить себе снимать приличную студию.

Я смотрел на нее, как в последний раз. Я хотел запомнить ее на всю мою оставшуюся жизнь, вот такую, какая она сейчас – спящая, уставшая после ночи моей любви. Темные длинные волосы в беспорядке разметались по подушке, осунувшееся бледное лицо, четкие дуги бровей, пушистые рес-

ницы, губы яркие и припухшие от моих поцелуев, тонкая шея, узкие плечики, маленькие холмики груди, закрытых простыней, и руки раскинуты в стороны, как будто ее распяли. Вот именно... распяли. Отдали в жертву, чтобы такая скотина, как я, продолжал радоваться жизни. Я встал на колени и поцеловал прядь волос на подушке, хотел поцеловать ее в губы последний раз, но побоялся разбудить. Встал и пошел на кухню, достал из стиральной машины влажный ком из джинсов и свитера, сунул в сушилку, а оттуда достал уже высохшие кроссовки. Принял душ, оделся, выпил чай, написал прощальную записку, не удержался и пошел взглянуть не нее еще раз. Так не хотелось уходить, но я ушел и тихонько закрыл за собой дверь.

А дальше было гораздо проще. Мой отец, используя свои адвокатские связи, помог мне развестись с Ленкой скоростным методом. Мои вещи я перевез к родителям, Ленке оставил квартиру и обе машины, а сам уехал в Даллас, где уже много лет жили мои дед и бабушка. Они уже давно звали меня к себе. Дед был известным астрофизиком, и связи у него остались обширные, и с помощью его друзей я очень быстро получил разрешение на постоянное жительство и работу, а бабушка, бывший искусствовед, успешно создавала мне репутацию. Я стал получать хорошие заказы от издательств и очень любил иллюстрировать сказки для детей. Там в каждой принцессе или доброй фее было что-то от Ариши. Умница бабушка сразу это заметила, и я рассказал ей об Ариш-

ке и о том, что произошло, и даже о том, как я мучаюсь от любви, как я тоскую по Арише, и как не могу ей об этом сказать.

– А ты нарисуй, – сказала мне бабушка.

– Что «нарисуй»? – удивленно спросил я.

– Нарисуй свою любовь, не таи ее в себе, и тебе станет легче, – ответила бабушка, и я снова стал рисовать Аришку.

Бабушка была права, мне стало легче. Я рисовал Аришку с косичками, Аришку с ломтем арбуза, Аришку с бабочкой, присевшей на ее ладошку, Аришку на качелях, Аришку в купальнике, Аришку в нарядном длинном платье, и однажды нарисовал ее лицо, как оно выглядело на высшей точке наслаждения – голова повернута слегка набок, длинные пряди волос на подушке, челка прилипла к влажному лбу, полузакрытые глаза за занавеской пушистых ресниц и приоткрытый в стоне рот с распухшими от моих поцелуев губами, зарумянившиеся щеки, и крошечные капельки пота над верхней губой. Бабушка долго смотрела на акварельный портрет моей любви, в ее глазах заблестели слезы, она их вытерла маленьким кружевным платочком, погладила меня по плечу и тихо сказала:

– Бедный мой мальчик, твоя любовь прекрасна, а ты из подмастерья превратился в мастера, может быть, благодаря своей любви. Но если совсем честно, то все мужчины из рода Пушкиных слегка ненормальные. Когда дело касается любви, вы все усложняете, а зачем? Ну возьми и скажи ей, что

ты ее любишь, а дальше будет видно, что делать и как. А ты мучаешься, страдаешь, а она, может быть, тебя тоже любит и тоже мучается и страдает. Твой дед доводил меня до истерики, рассказывая мне о звездах целый год – вместо того чтобы сделать мне предложение. Пришлось мне самой делать ему предложение, и он тут же согласился на мне жениться. Твой отец ухаживал за твоей матерью три года. Он адвокат, и язык у него хорошо подвешен, но с Машей он мямлил, как второгодник, и никак не мог признаться ей в любви. Пришлось мне снова брать дело в свои руки. Хочешь, я позвоню Арише и объясню ей ситуацию?

– Ну уж нет, бабуля, даже не вздумай, – завопил я в ответ на такое предложение, – это моя любовь, мне с ней и разбираться.

– Ну смотри сам, Сашенька, если уж совсем будет невмоготу, скажи, и я быстро все улажу. Мне не привыкать.

Бабушка засмеялась и вышла из комнаты, а я остался думать, как быть и что делать дальше. А что было делать дальше? Работать, и все. У меня были две успешные выставки, и мои акварели покупались сразу же, вышел даже роскошный подарочный альбом с моими работами, который тоже успешно продавался, но я никак не мог прижиться в Техасе. Мне не нравился климат, меня удручала жара, постоянная жизнь с кондиционером, а хотелось просто открыть окно. Я скучал по прохладе, по снегу, меня пугали термиты, с которыми вечно воевал дед, а на гнездо «огненных муравьев»

я однажды присел после купания в бассейне, и теперь буду помнить это всю жизнь. Бабушка ругалась на деда, который не заметил этого гнезда, а дед оправдывался тем, что муравьям тоже ведь надо где-то жить.

У деда с бабушкой дом был очень большой, и они устраивали официальные приемы каждую неделю по пятницам, а неофициальные – по средам. По пятницам была живая камерная музыка, дед надевал смокинг и бабочку, а бабушка – длинное шелковое платье и жемчуг или бриллианты. Из ресторана привозили еду корзинами, бутылки ящиками, и бабушка выдавала официантам свой знаменитый сервиз на 50 персон, хрусталь и серебряные приборы, но гостей всегда приглашали только 22 человека, так как в столовой стол был рассчитан на 24 человека, и не больше, а я по пятницам сбегал из дома, так как парадных обедов не выносил с детства.

Зато в среду народу было не протолкнуться, столы накрывали у бассейна, тарелки были бумажные и пластиковые, вместо хрусталя пластиковые стаканчики. Две девушки привозили из русского ресторана тазы салатов и винегрета, а два повара беспрестанно жарили на углях куриные ножки, крылышки и грудки под разными соусами. Музыка была современная, гости одеты в шорты и майки, или в джинсы и майки. Дед появлялся одетый в треники с белыми полосками по бокам, красную майку и белую бейсболку задом наперед. Бабушка выходила в шортах до колен, «народной» кофточке, вышитой красными розами, и кокетливой соломенной

шляпке, либо в косынке, повязанной «под комсомолку» 20-х годов прошлого столетия. В саду зажигались разноцветные лампочки и свечи от комаров. На отдельном столе у бассейна лежала огромная стопа махровых простыней для тех, кто хотел искупаться. Первые раза два мне было интересно, а потом я стал и в среду сбегать из дома или закрываться у себя в комнате. Я никак не мог понять, зачем деду и бабушке такие развлечения два раза в неделю. Ведь праздник хорош тем, что его нужно дожидаться, а тут праздники каждую неделю по два раза. Бабушка на мой вопрос ответила так:

– Сашенька, ожидание праздника даже лучше, чем сам праздник, пока ты молод, и у тебя есть время, чтобы ждать, а в нашем возрасте времени уже почти не осталось, вот мы и стараемся наполнить все оставшееся нам время праздника. К сожалению, старость это трагедия, но трагизм заключается не в том, что мы стареем, а в том, что душа наша остается еще молодой.

Я любил моего деда и бабушку, но жить так, как они, мне не хотелось. Я скучал по России, по нашему хлебу, по морозу, по лужам, покрытым первым ледком, по нашему дождю, но возвращаться не хотел – боялся, что увидев Аришку, начну снова сходить с ума от того, что больше не могу с ней быть просто другом. Однажды утром позвонил отец и сказал, чтобы я возвращался как можно скорей, если хочу застать мать в живых. Я вылетел в тот же день.

Четыре года я не видел мать и проклинал себя теперь за

свой эгоизм, за то, что не приезжал ни разу за эти четыре года. От моей красавицы мамы осталась тень, но улыбка была мамина, прежняя, когда я прямо с самолета примчался к ней в больницу. Она узнала меня и улыбнулась, а я встал на колени у ее постели и стал целовать ее руку. Мама улыбалась, а из ее глаз текли слезы и скатывались на подушку. Она не могла говорить, но все время пыталась что-то сказать. Мама умерла перед рассветом. Широко открыла глаза и посмотрела на меня, сделала попытку улыбнуться, но губы уже не слушались ее. Она все смотрела и смотрела на меня, а потом закрыла глаза и вздохнула... и ушла, а мы остались... без нее... навсегда.

Я не помню, как мы вернулись домой. Я не помню ничего из тех дней, что прошли до дня похорон. Наверное, я ел и спал и что-то делал, но я не помню. Я помню кладбище и множество людей, пришедших проводить маму. Я помню, как мамин гроб засыпали землей, я помню венки и цветы, много цветов, множество красных роз, и вдруг две желтые розы. Мама любила желтые розы, когда была молодая и сильная. Я поднял глаза и увидел Аришу. Это она положила желтые розы маме в изголовье могилы. Ариша помнила, она всегда все помнит.

Она изменилась, моя Ариша. Уже не девочка, а женщина стояла напротив и не смотрела на меня. Мне говорили друзья раньше, что у нее был роман с каким-то бизнесменом в командировке, а он оказался женатым. Роман закон-

чился быстро, и у Арины от него ребенок – кажется, девочка. Она пополнела после родов, черное платье красиво облегает фигуру, пышный узел волос на шее, длинный черный шарф на голове, печальное лицо, покрасневшие глаза, почти никакой косметики, да ей и не нужно, у нее классическая красота, которая не нуждается в дополнительном приукрашивании. Она даже не подошла ко мне после похорон. Я догнал ее и попросил разрешения прийти, и она равнодушно пожала плечами. Я пришел вечером и принес ее любимое вино. Мы пили вино, она спрашивала меня о моей жизни, я нудно и скучно рассказывал. Ей был не интересен мой рассказ, я это видел по выражению ее глаз. О себе она рассказывала мало. Да, у нее был легкий, ни к чему не обязывающий роман, после него осталась дочка. Дочку я тоже увидел, очень красивая девочка, блондинка с большими шоколадного цвета глазами. Совсем на Аришку не похожа – наверное, вся в отца. Ревность начала подниматься во мне со страшной силой. Моя Аришка и тот чужой мужчина с ней, а ведь это мог быть я, и его дочь могла быть моей. Я ушел быстро и, на прощанье поцеловав ее в щеку, ощутил, как удар по нервам, нежный и тонкий аромат ее кожи, и весь мир полетел к чертям. Если бы она сделала хоть малейшую попытку задержать меня, я бы остался и все ей рассказал о своей любви, о том, что нет мне жизни без нее, что если она не может меня любить, пусть позволит мне любить ее, быть рядом, быть отцом ее дочери, но она не остановила меня, и я ушел.

Несколько часов я просидел на лавочке в сквере возле ее дома. Сегодня у меня двойные похороны. Я схоронил мать и должен похоронить мою любовь. Я сидел, курил и, наверное, плакал, потому что проходящая мимо старушка с собачкой на поводке остановилась и спросила:

– Что случилось, сынок? Может, я могу помочь?

– Я сегодня похоронил мать, кто теперь будет меня любить, как она?

– Царствие ей небесное, – перекрестилась старушка, – это тело ее умерло, сынок, а материнская любовь умереть не может, любовь смерти не подчиняется, так и останется с тобой навсегда. Иди, иди домой, сынок, ложись спать, мать во сне к тебе придет и сама об этом скажет. Ах ты, горемычный, иди с Богом, сынок, поздно уже, не сиди здесь один.

Я встал и пошел домой, и правда, всю ночь мне снилась мама. Она была молодая, красивая, в веселом фартуке поверх легкого в цветочках платья, жарила мне и отцу картофельные оладушки и кричала нам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.